

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Сергей Баймухаметов

ЛОЖЬ И ПРАВДА РУССКОЙ ИСТОРИИ

ОТ ВАРЯГОВ
ДО ИМПЕРИИ

Сергей Темирбулатович Баймухаметов
Ложь и правда
русской истории. От
варягов до империи
Серия «Русская история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63932302

*Ложь и правда русской истории. От варягов до империи / Сергей
Баймухаметов: Вече; V 1.0 by prussol; 2021
ISBN 978-5-4484-8550-3*

Аннотация

«Призвание варягов» – миф для утверждения власти Рюриковичей. Александр Невский – названный сын хана Батыя. Как «татаро-монголы» освобождали Гроб Господень. Петр I – основатель азиатчины в России. Потемкин – строитель империи.

Осознанно или неосознанно многие из нас выбирают для себя только ту часть правды, которая им приятна. Полная правда раздражает. Исторические расследования Сергея Баймухаметова с конца 90-х годов печатаются в периодике, вызывают острые споры. Автор рассматривает ключевые моменты русской истории от Рюрика до Сталина. Точность фактов, логичность

и оригинальность выводов сочетаются с увлекательностью повествования – книга читается как исторический детектив.

Содержание

Глава 1	6
Опровержение Повести временных лет.	6
«Летописи полны лжи и позорят русский народ»	
Заклятие	11
Как создаются мифы	14
Рюрик – тезка	16
Кто такие варяги?	18
Что же было?	26
Особые отношения	28
Как создаются династии	31
А зачем Нестор так написал?	33
Все так писали...	35
Итог: «Мы от рода русского»	37
Правда часто неприятна	43
Загадочное слово – «русский»	46
Глава 2	51
Белый миф – о князе Олеге	51
Черный миф – злодей Ричард, король английский	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Сергей Баймухаметов

Ложь и правда русской истории. От варягов до империи

*В «Курсе русской истории» В.О. Ключевского
великий князь Александр Невский упоминается 15
(пятнадцать) раз в 15 (пятнадцати) строчках;
Куликовской битве посвящено 6 (шесть) строк.
Автор*

Знак информационной продукции 12+

© Баймухаметов С.Т., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

Призвания варягов не было!

Опровержение Повести временных лет. «Летописи полны лжи и позорят русский народ»

В 1749 году в Петербургской академии наук разгорелся грандиозный скандал, с которого и начинается то, что у нас называют «антинаучной норманской теорией» происхождения Российского государства и с которой идет борьба на протяжении веков.

Обязан сказать, что работа академика Готлиба Байера «О варягах» вышла задолго до этих событий. Причем не где-то на «вражеской» стороне, а в «Комментариях» Петербургской академии наук. (Рабочим языком Академии наук тогда был немецкий язык, и потому работа «О варягах» впервые опубликована на немецком.) Через 12 лет ее перевели на русский язык и выпустили под названием «Сочинение о варягах». Ни то, ни другое издание не привлекли шумного внимания.

Громкий скандал разразился в августе – сентябре 1749

года. На торжественном заседании Петербургской академии 5 сентября, по случаю тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны, должен был выступить академик Герард Миллер с речью «О происхождении народа и имени российского». По правилам тех времен речь предварительно рассматривалась комиссией. Третьяковский высказался за, заметив, однако, что сама «материя спорна». А вот Ломоносов яростно выступил против. Он нашел речь Миллера «ночи подобной». С Ломоносовым согласились почти все члены комиссии. Речь не только запретили к выступлению, но даже решили отобрать у автора. Миллер пожаловался на необъективность, и тогда президент академии распорядился рассмотреть ее на генеральном собрании. Рассмотрение длилось шесть месяцев (!) и закончилось тем, что работу Миллера постановили уничтожить. Однако она сохранилась. И в 1768 году была напечатана на немецком языке в Allgemeine historische Bibliothek, т. IV (Общая историческая библиотека).

Вот какие далеко не научные страсти. Как писал В.О. Ключевский, *«причиной запальчивости этих возражений было общее настроение той минуты... Речь Миллера явилась не вовремя; то был самый разгар национального возбуждения...»*.

А еще Ключевский говорил, что споры вокруг варяжского вопроса «есть патология общественного сознания». И трудно с ним не согласиться. Ведь почти три века спорим НЕ О

ТОМ. До идейной ненависти схлестнулись: славянами или норманнами («северными людьми») были Рюрик и варяги? Если славяне, то нормально, свои. А вот если норманны... Хотя ведь яснее ясного, что «норманны» не могли основать наше государство, потому что древнерусские государства в Новгороде и Киеве существовали задолго до упоминания «варягов» в Повести временных лет. Но логика нам не указ... вот уже 250 лет.

«Патология общественного сознания» еще и в убеждении, будто происхождение правящей династии каким-либо образом могло повлиять на многовековой уклад и жизнь громадной страны, задевает и оскорбляет национальное самосознание. Если судить по «составу крови», то и русских великих князей, к примеру Андрея Боголюбского и тем более Александра Невского, можно считать не русскими и даже не варягами, а узкоглазыми степняками-половцами. Не говоря уже о Николае II – на 95 процентов немце по «составу крови». Династии со стороны, пришедшие вместе с ними дружины, армии растворялись и растворяются в общей среде, как варяги и затем ордынцы – в славянском море Руси.

(Здесь и далее я употребляю слово и понятие «ордынцы», а «татаро-монголы» беру в кавычки, так как исторически-этнический термин «татаро-монголы» условен. Это изначально был тюрко-монгольский конгломерат, который точнее всего в общем и в целом обозначается, на мой взгляд, термином «ордынцы». Основную военную силу в нем со-

ставляли тюркоязычные степняки, покоренные монголами половцы. То есть люди, не родственные монголам по языку. Но – близкие по бытотипу, по образу жизни, тому, что называется конно-степной цивилизацией.)

Три века спорят, опровергают научную работу, которую никто не читал. Разумеется, читали Ломоносов, Тредиаковский и еще нескольких ученых в то время. А потом речь Миллера была уничтожена. И на русском языке никогда не публиковалась.

Должен еще заметить, что Герарду Миллеру русская историческая наука обязана многим – он ведь был ее основателем и зачинателем, первым официальным русским историографом, основателем исторического и первого научно-популярного журналов, первым ректором Петербургского университета, инициатором экспедиций на Камчатку и в Сибирь, за 50 лет трудов создал историографическую школу, оставил библиотеку (!) впервые изданных чужих и своих работ, в том числе первую «Историю Сибири», описание языков сибирских и поволжских народов, многое другое. Миллер первым начал изучать и публиковать летописи! Именно по его инициативе в 1732 году впервые начали выходить на немецком языке сборники древнерусских литературных памятников. Хотя и в сокращенном виде, отрывками, выдержками. Когда же в 1734 году академия – по инициативе Миллера, разумеется, – обратилась к Сенату за разрешением на издание летописей в полном виде, Сенат переадресовал прошение ученых

Синоду, а Синод запретил, постановив, что летописи полны лжи и позорят русский народ.

Так что уничтожение речи Миллера, случившееся через пятнадцать лет после решения Синода, было вполне в духе времени.

Идеологически запретительный подход к *летописям* господствовал в России вплоть до царствования Екатерины II, когда с ее одобрения стараниями Новикова, Мусина-Пушкина, Щербатова, Болтина и других были изданы первые памятники древнерусской истории и литературы. Со времен оных прошло более двухсот лет, а нельзя сказать, что мы далеко продвинулись. В СССР было издано всего несколько летописей. Да и те подверглись сокращению. Сейчас запретов нет, но, как говорят, нет денег. Вернее, нет желания и стремления. Так или иначе, Россия до сих не имеет полного собрания летописей, изданного **на современном русском языке**. То, что издавалось со времен Мусина-Пушкина по сей день, выходило микроскопическими тиражами, а самое главное – в репринтном издании, на церковнославянском языке. То есть недоступно абсолютному большинству читателей.

Но это отступление. А у нас же речь о Новгороде и о ваяниях.

Заклятие

Странные чувства испытываешь, бродя по улицам Великого Новгорода. У меня это, наверно, от детства. Одной из первых прочитанных книжек, еще в пятилетнем возрасте, была повесть о древнем Новгороде. А детские впечатления – это как долгий сон, как будто сам жил и был там.

И спустя полвека такое ощущение, будто я здесь жил всегда. И в древние времена. Понятно, что «давят» знания взрослой жизни. У кого ж сердце не дрогнет в городе, «откуда есть пошла Русская земля». Но те же знания говорят, что отсюда пошло и унижение земли Русской. И суть не в *норманской теории*, по которой русская государственность и само Русское государство есть произведение пришлых чужеземцев. Суть – в первоисточнике.

Как пишет Повесть временных лет, *«варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян... Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы».*

То есть, устав от разлада и смуты, не кто-нибудь, а именно новгородцы пришли к варягам и сказали: *«Земля наша ве-*

лика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Конечно, обидно. Эти слова стали закланием русской истории и судьбы. Не только потому, что сказано и написано талантливой рукой. Нет, прежде всего потому, что они, слова, все время подтверждались жизнью. Во всяком случае, в годы советской власти каждый второй грамотный человек повторял про себя и вслух: *«Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет...»* Но тогда, в годы коммунистической бесхозяйственности, никому и в страшном сне бы не пришло, что с нами станет после падения власти коммунистов. И потому летопись воспринималась и воспринимается как пророчество и заклание: ничего, мол, не поделаешь, так было всегда, так на роду нашем написано.

Если бы это была просто рукопись, просто летопись – одно дело. Но это – Повесть временных лет, основа основ российской истории, литературы, народного самосознания. Не случайно же ее называют Начальной летописью.

Ничего удивительного, что вскоре после опубликования летописей в XVIII веке и возникла так называемая норманская теория, задевающая национальные чувства россиян. Поскольку выводила возникновение Российского государства исключительно из деятельности пришлых варягов-норманнов. Также понятно, что ее тотчас начали оспаривать и оспаривали всегда. Начиная с Ломоносова и заканчивая главными идеологами КПСС.

Но... Каждое положение исторического документа проверяется другими источниками. Скажем, некоторые факты и даты из той же Повести временных лет уточнены, подтверждены или опровергнуты исследованиями Шахматова, Гумилева, Лихачева и других ученых, сопоставлениями с европейскими и арабскими источниками.

А историю о призвании варягов проверить невозможно. Ни в европейских, ни в арабских, ни в еврейских источниках нет упоминаний об этом событии. Варяжская страница в Повести временных лет подобна стене несокрушимой – не обойти ее и не объехать. Во всех русских летописях текст одинаковый. Нет больше исторических свидетельств. И потому, наверно, историки, начиная с Соловьева, Ключевского, Костомарова и заканчивая Гумилевым, Лихачевым, Петрухиным, лишь отмечали противоречия легенды, пытались объяснить ее или же подвергнуть сомнению. Но – не более того.

Я же попытаюсь доказать, что **призвания** варягов не было. Пользуясь только логикой. Ну и, разумеется, для иллюстрации прибегая к аналогиям.

Прежде всего – разделим «варягов» и их «призвание». В этом смешении – явная и скрытая суть «патологии общественного сознания».

Как создаются мифы

В VIII веке Испанию, как известно, захватили мусульмане из Северной Африки – арабы и берберы, которых в Европе называли маврами. Они создали мощное государство – Кордовский эмират, через полтора века провозглашенный халифатом. Халифу подчинялись эмиры Гранады, Андалузии, Толедо, Севильи, Сарагосы и другие. Многие были недовольны существующим положением. Заговор возглавил эмир Сарагосы – он позвал на помощь Карла, короля франков, будущего императора Карла Великого, основателя династии Каролингов. Карл вторгся в Испанию. Однако военная кампания не заладилась, к тому же в государстве франков подняли восстание саксы. Карл двинулся в обратный путь. В Ронсевальском ущелье на его армию напали испанские баски, христиане. В том бою погиб Роланд, маркграф Бретани, прикрывавший отход и спасший армию и Карла.

Таковы факты. Но в «Песни о неистовом Роланде», сочиненной (по крайней мере записанной) через четыре века, мы читаем, что это была война исключительно с «нехристианами», дабы они приняли «завет Христа» и «закон Христа», что на армию Карла напали «сарацины». Понятно, что все это сочинено гораздо позже, через века, уже в свете идеологии крестовых походов. И сейчас уже не важно, то ли трубадуры сами отредактировали древние легенды и сочинили новые «в

духе времени», то ли им порекомендовали: «Ребята, нехорошо напоминать, что наш Карл Великий участвовал в разборках мавров, нехорошо говорить, что на него напали христиане».

Так создаются мифы.

Да, в истории случалось, что более слабое государство входит в состав более сильного. Но в любом случае – государство обращалось к государству.

Итак, к какому же государству обратилось за покровительством государство Новгород? К варяжскому? Так не было такого государства! Была дикая вольница, живущая грабежом, разбоем.

Рюрик – тезка

Противоречия и несообразности летописи приводили даже крупных историков к неубедительным гипотезам. Действительно, вначале платили дань варягам, потом выгнали варягов, но тотчас же вслед за этим попросили их «владеть нами»? Несуразица явная. И потому В.О. Ключевский предполагает, что позвали «других варягов». Каких «других»?

Некоторыми учеными до сих пор поддерживается теория, по которой «наш» Рюрик – это Рюрик (или Рёрик, Рорик) Ютландский. Если так, то вроде не стыдно родословную оттуда вести.

Но в этой гипотезе противоречий еще больше. Во-первых, от Новгорода до Ютландии-Дании почти две тысячи километров. Значит, и новгородским послам, а самое главное, Рюрику с дружиной надо было идти через немецкие, польские, литовские, жмудские, псковские земли и наверняка прорываться с боями, потому что врагов вокруг было много. И об этом в летописи – ни слова. А если он шел на кораблях вдоль побережья Балтики, по Неве поднялся в Ладогу, а оттуда по Волхову пришел к Новгороду – все равно бы просто так окрестные племена его не пропустили. И не мог бы остаться в Европе незамеченным такой дальний поход, по сравнению с которым прежние походы Рюрика в земли франков и англосаксов – короткие воскресные прогулки.

Во-вторых, трудно представить, что Рюрик тотчас, по зову новгородских послов, с готовностью променял свое положение владетеля Ютландии-Дании на далекий от Европы Новгород. Даже если и так, почему в западных источниках нет о таком событии никаких упоминаний? Между тем о жизни Рюрика Ютландского известно многое, до дат его смерти. Он был знаменитым в Европе воителем, снаряжал в походы до трехсот (!) драккаров, поднимался вверх по Эльбе, захватывал германские земли, ходил к берегам Англии, подвергал разору и грабежу англосаксов. И вдруг его уход в Новгород, двухтысячекилометровый поход, остался никем не отмеченным? Невозможно.

В-третьих, за варягами далеко ходить не надо было – они всегда жили рядом. Летописная фраза «И пошли за море к варягам, к руси...» вовсе не обязательно означает Балтику. В древности и даже совсем недавно и Онегу, и Ладогу, и новгородский Ильмень называли морем.

Кто такие варяги?

Варягами славяне называли викингов. Викинги же, если отбросить современную киноромантизацию, были просто-напросто разбойниками, бандитами. Буйные молодые люди, которые не хотели жить мирно и ловить селедку, как их отцы и деды. И уходили из родных поселений в *вик* (по-русски – *выселок*, а буквально – *путь*). Промышляли разбоем, грабежом. Со временем они стали страшной силой и три века терроризировали Европу, поднимаясь в своих драккарах вверх по течению рек и сжигая города и села. А когда не было походов, нанимались в армии сопредельных воюющих государств. В общем, наемники, ландскнехты.

Нанимали их и славянские города-государства. Многочисленные свидетельства тому – в летописях. Причем везде о найме варягов говорится как о деле обыденном, никуда далеко за ними не ходили, они всегда были под рукой. Приведу одно из самых ранних свидетельств.

980 (по другим данным – 978) год. Новгородский князь Владимир ведет войну против брата, киевского князя Ярополка, убийцы их третьего брата Олега, и нанимает варягов. Разбивает дружину Ярополка, захватывает Киев, а самого Ярополка приглашает на переговоры в свой шатер. Едва Ярополк вошел, два варяга пронзили его мечами с двух сторон.

Да, Владимир наш отличался истинно варяжской жесто-

костью, необузданностью, пренебрежением всех человеческих норм. Получив отказ от полоцкой княжны Рогнеды – та не захотела идти за него, потому что Владимир был бастардом, незаконным сыном Святослава от древлянской рабыни-ключницы Малуши, – Владимир идет на Полоцк войной, захватывает город и насилует Рогнеду на глазах ее отца и матери. Как отмечает летописец, *«был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних жещин и растляя девиц»*. Убив Ярополка, он тотчас берет его жену, то есть жену своего брата. А она была уже беременна. Родился Святополк – убийца своих же братьев Бориса, Глеба и Святослава, прозванный летописцем Святополком Окаянным.

Но так или иначе, а князь Владимир, столь страшный в своих необузданных страстях, стал ключевой фигурой в истории Руси. Все, что вершилось после него, – лишь следствие его выбора веры. Второй такой значимой фигурой в истории Руси был только Александр Невский, о котором в этой книге будет сказано еще много.

Князь Владимир через восемь лет после убийства Ярополка окрестил Русь и стал Владимиром Святым. Быть может, Господь и простил ему за это все грехи. Как заключает летописец, *«был невежда, а под конец обрел вечное спасение»*.

В этой фигуре, на мой взгляд, явлены нравы тех времен в самых крайних выражениях. От бушующих комплексов неполноценности до таких деяний, как крещение Руси, определившее развитие эпохи, течение самой истории.

Впрочем, братоубийство нельзя сводить лишь к недобрым чувствам незаконных сынов и пасынков. Начал-то убивать вполне законный Ярополк. А вспомним опять же убийство Бориса, Глеба и Святослава. Да, Святополк, конечно, Окаянный. Но вот скандинавские источники недвусмысленно указывают на причастность к этому убийству Святополкова брата Ярослава, названного впоследствии Мудрым. Так что остается гадать, отчего Ярослав ожесточенно воевал, изгонял отовсюду Святополка: то ли как братоубийцу окаянного, то ли как свидетеля общего преступления?

Братоубийство – обыденное явление в семейной хронике Рюриковичей. Из одиннадцати детей Владимира своей смертью умерли, кажется, только четверо или пятеро. Ярослав Мудрый, один из них, говорил перед смертью детям: *«Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и одной матери»*. Но бесполезно – сыновья и внуки Ярослава, как их отцы и деды, нещадно воевали друг с другом. Самый разумный из них – Владимир Мономах – пытался устроить мир уступками, отдавая родичам то Киев, то Чернигов. Но Олег и Давыд Святославичи продолжали братоубийственные войны даже после съезда князей в Любече, где все они целовали крест и договорились о мире. Что не помешало Давыду Игоревичу и Святополку тотчас после этого схватить Василька Теребовльского и выколоть ему глаза.

Да, когда речь идет о власти, тут уже не до родства. Так было во всех династиях и во всем мире. Но все же полагаю,

что Рюриковичи в мировой истории занимают особое место по пролитой родной крови. Наверно, это обусловлено было особенностями громадной страны и тем, что изначально, при Святославе и тем более при многодетном Владимире, не был определен жесткий порядок наследования и распределения земель. Но нельзя не учитывать и происхождение.

Языческие славяне – мирный и гостеприимный народ. Это отмечали все древнейшие хронисты. Славяне чтили род, старшинство в роду, семью.

Варяги-викинги – это сознательное и бессознательное, полное, абсолютное отрицание семьи, отца и матери. В древней воинской ватаге был один закон – безусловное подчинение вожаку. А в почете – только сила и полное пренебрежение всем остальным. Потому-то среди викингов особое место занимали так называемые *берсерки* – психопаты, люди-звери, бешеные, одержимые, обладающие пещерной свирепостью и столь же пещерным бесстыдством и презрением к любым ограничениям.

Вот такая среда породила Рюрика! Вот такая кровь бушевала в его правнуках и праправнуках!

Да, с одной стороны, нравы княжеских семей смягчали славянские жены и традиционно близкие к женской половине дома православные священники. Представьте только: два брата при одобрении третьего отдадут приказ выколоть глаза племяннику, а четвертый брат, не в силах остановить их, пытается увещевать и современников, и потомков:

«Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен в смерти, то не губите никакой христианской души. Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих».

Представьте человека, воспитанного матерью в православных духовных традициях, который в кровавой мути жестокого века пишет такие слова:

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в Него».

Это – Владимир Мономах.

А с другой стороны, по мужской линии шло воспитание «в традициях отцов и дедов». Огромным было и влияние на княжичей-отроков их варяжских наставников-воевод, вроде Свенельда. Ведь Свенельд, первый советник Ярополка, играл ключевую роль в убийстве Олега. Да и неваряжские воеводы были немногим лучше. Например, Добрыня – воевода уже Владимира. Добрыня был братом Малуши. Той самой рабыни, матери князя Владимира. И когда полоцкая княжна Рогнеда отказала Владимиру, указав на его происхождение от рабыни, то Добрыня шибко оскорбился за сестру. И как мог настропалил юного Владимира на войну с Полоцком. В общем, эта свирепая солдатня реализовывала свои мстительные или честолюбивые планы при помощи княжичей, подвигая их на поступки, немыслимые для их возраста.

Но это – отступление. В данном случае нас интересует коллизия «варяги и Владимир». Тот, первый, которого по-

том называли Святым.

Убив Ярополка и утвердившись на киевском престоле, Владимир решил, что наемникам теперь можно и не платить. Выгнал их в Византию (в летописи – они сами попросились: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю»), прежде послав византийскому императору предупреждение: *«Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного».*

Разумеется, и этот поступок князя не красит. Но Владимир, сам потомок варягов, видимо, знал, как следует обращаться с этой братией.

Одним словом, ясно, кто такие были варяги, как относились к варягам славяне и кем они были для славян в 980 году.

Да, Новгород, как и любой другой город, мог позвать на правление кого-то со стороны. Допустим, новгородцы были дикими, темными. А рядом – цивилизованные варяги. Вот и решили новгородцы поступиться суверенитетом ради приобщения к прогрессу – и припали к роднику варяжской цивилизации.

Многие так считали. Почти большинство. В том числе, например, признанный наш историк Василий Осипович Ключевский: «Где и как среди разноплеменного населения нашей равнины могла загореться искра государственной, исторической жизни? Эта искра была принесена со стороны. Варяжский элемент вошел живой, освежающей струей в эту

неподвижную бесцветную массу».

Итак, мы – «неподвижная бесцветная масса», в которую варяги внесли «искру государственной, исторической жизни».

Обидно, да? Но, в принципе, могло быть правдой. При изначальном условии – дикости новгородцев и высокоцивилизованном государстве варягов.

В действительности все обстояло ровно наоборот.

В IX веке у варягов не было никакого государства.

А с другой стороны, Новгород, государство с высокой культурой и цивилизацией, имеющее свои колонии. В XI веке (более ранние берестяные грамоты не сохранились) не бояре, князья или монахи, а простые горожане обменивались письмами, их бытовая тема говорит о широкой грамотности, о распространенности письменного общения.

И логично ли, что представители цивилизованного Новгородского государства пришли в буйную, дику ватагу и позвали ее главарей «княжить и владеть нами»? Это все равно что в XVII веке вольный купеческий город Гамбург позвал бы правителем атамана из Запорожской Сечи.

Обратим внимание, что речь идет о самом вольнолюбивом городе древней и средневековой Руси. Новгородцы никогда не терпели у себя княжеского всевластия. Поэтому сыновья великих киевских князей шли сюда с большой неохотой. Новгородцы даже Александра Невского не признавали. А тут – полное раболепие и унижение, да еще и перед варя-

гами.

Кстати, одно из первоначальных значений слова «варяг» – «наемник».

Что же было?

Была рознь. Это очевидно. За власть в Новгороде боролись, видимо, две партии. Партия Вадима Храброго и партия некоего Гостомысла. Исторически личность его не установлена, по легенде, он считается новгородским посадником. Легенда эта широко пошла от историка Татищева, который даже родословную Рюрика вывел от Гостомысла. При этом Татищев ссылается на летописи, которых нет. То ли придумал, то ли пропали те летописи. Татищев в научном мире пользуется более чем сомнительной репутацией.

Л.Н. Гумилев предполагает, что Гостомысл – вовсе не имя, что это была скорее партия «гостомыслов», то есть людей, симпатизирующих иноземцам, гостям. Вот они-то, гостомыслы, и наняли варягов, чтобы установить свои порядки.

А дальше все пошло, как часто бывало и бывает в истории. Наемники, почувствовав свою силу и слабость мирного города, просто-напросто захватили власть в Новгороде. И когда два года спустя, в 864 году, Вадим Храбрый поднял восстание, жесточайшим образом расправились с ним и его сторонниками.

«Оскорбишася новгородци, глаголюще, яко быти нам рабом и многа зла всяческа пострадати от Рюрика и ради его... Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных

многих изби новгородцев советников его» (Никоновская летопись).

Вслед за Новгородом варяги захватили власть и в других русских городах.

То есть варяги были – «призвания» не было. Была узурпация. Обычная история в Средневековье.

Особые отношения

Между Новгородом и князьями Рюрикова дома были особые отношения. Обычно активную к ним нелюбовь, неприязнь новгородцев объясняют демократическими традициями вольного города. Но это применимо только к ситуации, возникшей в более поздние века. А тогда, в изначальные времена, никаких таких традиций, ни демократических, ни аристократических, еще не было.

Но если Новгород призвал варягов Рюриковичей и – так получилось – навязал их всей Руси, то новгородцы должны, по логике, на всех углах говорить, какие варяги хорошие, отважные, как защищают народ и как плохо будет всем, если они уйдут. То есть должны быть главной опорой Рюриковичей.

Однако все было наоборот. Русь признала Рюриковичей, а Новгород их не любил и не скрывал этого. Такое ощущение, будто новгородцы знали о Рюриковичах что-то такое... Мол, это вы в других городах Руси можете вешать лапшу на уши, что вас призвали, а мы-то знаем, что вы бандиты-захватчики... И Рюриковичи как будто это понимали... Во всяком случае, с великой неохотой шли туда на княжение. Например, когда распределялись уделы между внуками княгини Ольги, то Новгород отвели Владимиру, потому что на лучшее он не мог претендовать, так как был сыном Святослава

от рабыни Малуши. На тебе, что нам негоже.

Похоже это на отношения «добрых князей» и «благодарных пейзажей», с поклоном позвавших князей владеть ими?

Да и с принятием христианства Новгород не спешил, оставаясь верным своим языческим божествам, защищая волхвов от княжеской расправы. Мы привыкли к идеализированно-лубочному образу волхвов, с длинными волосами и постыдно-благообразным выражением лица. На самом же деле и зачастую это были бесноватые личности, которые в XI веке прошли по Русской земле от Суздаля до Новгорода, сжигая живьем женщин, обвиняя их не то в возникновении голода, не то во всех остальных бедах. И этих изуверов новгородцы закрыли собой, спасли от княжеского гнева. Можно сказать, что христианство установилось в Новгороде только в XIII веке, когда волхвы подняли восстание, снова надеясь на народную поддержку, но новгородцы отвернулись от них и, более того, расправились с ними.

Безусловно, в первоначальном и долгом неприятии христианства сказалась удаленность от Киева как центра русского православия. Но вполне возможно, что здесь сыграла роль и неприязнь к Рюриковичам. Народ заранее с предубеждением воспринимал все, что исходит от них, в том числе и новую веру.

И здесь читатель может сказать: «Да, выдумка о призвании варягов – это самоуничтожение. Но хрен редьки не слаще и час от часу не легче! Выходит, нашими князьями-пра-

вителями стали бандиты и наемники?!»

Как создаются династии

Увы, такова история. Правящие династии часто приходили со стороны. И далеко не всегда из среды высокородной и благонамеренной. Скажем, отчаянные вояки – туркмены сами жили трудно и тяжело, спасались от врагов в пустыне. Но в то же время многие правящие династии Азии – туркменского происхождения. Основатели их – бывшие гвардейцы, охранники, наемники. Даже главный притеснитель туркмен персидский Надир-шах был по матери туркменом.

Богатый Египет на невольничьих рынках мира скупал мальчиков, воспитывал их в военных лагерях и создавал армию и гвардию мамелюков. В XIII веке мамелюки половецкого происхождения во главе с Бейбарсом (сейчас он в Казахстане считается героем национальной истории) захватили власть и основали свою династию. Из рабов – в султаны!

Норманны-викинги через три века после начала походов и сами выдохлись, и европейские государства окрепли и выгнали их. Они закрепились лишь на полуострове, названном Нормандским, и создали свое государство – герцогство Нормандское. Затем Вильгельм, герцог нормандский (бывший варяг, к тому же бастард), переправился через Ла-Манш, разбил англосаксов при Гастингсе и стал основателем английской королевской династии.

Или, например, кто нынче король в стране викингов – в

Швеции? Карл-Густав XVI, из династии Бернадотов, далеко не древней и не нордической. И вообще – не шведской. Основал ее совсем недавно, в начале XIX века, выходец даже не из дворянского рода, а сын юриста, француз, точнее – гасконец Бернадот, начинавший военную службу рядовым солдатом во французской армии. Дослужился до маршала в армии Наполеона и был посажен им на шведский трон.

Правящие династии давно уже интернационал, в который влились и варяжские конунги. И потому главный вопрос: каким образом в летописи появились строки об униженном «призвании»?

А зачем Нестор так написал?

Повесть временных лет создавалась через три века после событий в Новгороде. Уже три века, как Русью правят князья из династии варяга Рюрика. Они, Рюриковичи, крестили Русь и ввели ее в русло новой, христианской цивилизации. Они, Рюриковичи, везде и всюду, от Киева до Новгорода, от Владимира до Волыни. За эти триста лет в стране сменилось десять – пятнадцать поколений. Что должны были и что могли помнить, думать о своих князьях воины, монахи и смерды через триста лет после их прихода во власть? Что внушали своим подданным князья?

Разумеется, что их власть от Бога, что их призывали и позывали!

И вполне понятно, что Нестор так и думал, так и написал.

Ну а если предположить, что он знал правду, так мог ли он написать, сидя под рукой и мечом киевского князя, что Рюриковичи родом из бандитов, опять же бандитски захвативших власть?

Весьма и весьма сомнительно. Это потом, гораздо позже, летописание стало будничной работой, обязанностью, службой монастырей. К тому времени церковь стала более самостоятельной и даже влияла на князей. А когда создавалась Повесть временных лет, церковь полностью была подконтрольна Рюриковичам и ни о какой неподцензурной летописи

си, видимо, говорить не приходилось. Свидетельство тому – судьба одного из первых летописцев, Никона, который бежал из Киева в Тмутаракань от гнева князя Изяслава.

Однако предположим невероятное: летописец Нестор знал правду о варяге Рюрике и написал правду.

Но исследования историков говорят, что летопись потом редактировалась монахом Сильвестром под присмотром Владимира Мономаха, а затем еще раз редактировалась неизвестным монахом под присмотром Мстислава, сына Владимира Мономаха.

Более того, не исключая, что к Повести временных лет приложил руку и сам Владимир Мономах. У него были к тому все предпосылки. Во-первых, абсолютная власть над иноками-летописцами. Во-вторых, собственный личный интерес к слову, к литературному творчеству. А самое главное – образование, культура и большой литературный талант.

Но самое главное – причина. И причина эта – легитимизация власти.

Написанное пером – не вырубишь топором.

Все так писали...

Д.С. Лихачев считал сюжет о варягах «легендой искусственного происхождения».

В.Я. Петрухин, автор скрупулезнейшей монографии «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков», возражает, доказывает естественность, которая проявляется как раз в ее противоречиях: если бы это были позднейшие вставки, тогда бы уж позаботились о гладкости.

Но оба они сходятся в одном: сюжет отвечает традициям.

У Лихачева – традициям средневековой истории, возводящей происхождение правящей династии к иностранному государству.

У Петрухина – коренным фольклорным традициям самых разных стран и народов.

Действительно, у разных народов есть такие легенды.

Одно смущает: что это за фольклорная традиция, уничижающая народ? Самоназвания часто говорят, что народы скорее склонны к возвеличиванию своего и умалению чужого. Самоназвания некоторых народов в переводе означают: «настоящий народ», «настоящие люди», «большие люди» и даже просто «люди». Как же одно сочетается с другим?

Но зато все довольно точно встает на свое место, если предположить, что эти «фольклорные традиции» инициировались представителями правящих династий. Для оправда-

ния, для утверждения законности и возвышения династии и своего правления.

Доказательством от противного может служить завоевание Англии Вильгельмом Нормандским. Здесь ничего возвышать и узаконивать не надо было – более сильное государство завоевало более слабое. Потому и нет легенд. Думается, пожелай Вильгельм или его ближайшие потомки – и нашлись бы летописцы, и сложились бы, и вошли бы в историю Англии сказания о призвании норманнов. Но потомки Вильгельма в этом не нуждались.

Итог: «Мы от рода русского»

Опять же надо начинать сначала. Потому что с самого начала в дело вмешалась идеология, то есть настроения, мнения, симпатии и антипатии, эмоции... Которые никуда не делись и ныне.

Например, нынешней исторической науке известна древняя скандинавская сага (на древнеисландском языке) об Олаве Трюггвассоне. Олав, сын норвежского конунга и будущий норвежский король, спасаясь от врагов, бежал на Русь и жил при дворе нашего киевского князя Владимира-Вальдамара. Со своей дружиной, разумеется. Затем пустился в странствия по белу свету, принял христианскую веру и уговаривал Вальдамара принять крещение.

Странно, что эта сага не вошла в широкий исторический обиход. Мы ведь любим, даже с неким преувеличением, приписывать себе широкие европейские связи и европейскую значимость. Казалось бы, вот свидетельство европейских связей Древней Руси. И сага подлинная, древняя, не записанная в поздние века, не переписанная, как наши летописи. И речь в ней идет о реальном историческом персонаже, короле Норвегии Олаве Трюггвассоне! Однако она не часто встречается в популярных работах о том периоде. Видимо, потому, что противоречит столь любимой и якобы патристической теории, по которой никаких варягов-германцев не

было, а варягами звали исчезнувшее южнобалтийское славянское племя. А тут – прямое свидетельство, что спустя сто лет (!) после Рюрика норвежский конунг считал киевского Владимира своим и прятался у него от врагов. Но... «Не надо нам этого!» У нас иногда не только чужие источники отбрасывают, но и свои летописи искажают.

Так, титулованный историк Андрей Сахаров в интервью «Норманская теория – абсурдное дело!» утверждал:

«Варяги – представители южнобалтийского, поморского славянства... Речь ведь идет о тех, кто не знает твоего языка, чужд тебе и приходит как завоеватель, насильник... А у Нестора сказано, что славянский язык и русский язык (то есть варяго-русский) «суть един». И ученые отмечали, что язык новгородских, ильменских славян очень близок по многим параметрам языку южнобалтийского славянства» (*«Известия», 17.07.2004*).

Через десять дней газета опубликовала мою реплику – под заголовком «Назначил Нестора пропагандистом». В частности, в ней говорилось:

«Еще В.О. Ключевский считал споры о «норманской теории» беспредметными. Но они не прекращаются. И не прекратятся. Я же поведу речь о другом – о корректности спорщиков.

Андрей Сахаров... не приводит ни одного доказательства, разве что говорит о языковой близости исчезнувших южнобалтийских племен и ильменских славян... Но зато пере-

иначивает летописца Нестора так, что даже страшно: *«Когда Нестор говорит о варягах, он пишет: есть норвежцы, шведы, есть датчане, а есть варяги – «русь». То есть он перечисляет определенные этносы и среди них отдельно выделяет скандинавский и отдельно – варяго-русский этнос».*

Ничего подобного Нестор не писал, «норвежцев» и «датчан» не «перечислял» и уж тем более «скандинавский этнос» не «отделял»! У него написано так: *«И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы...»*

Зачем же так исказить источник, уважаемый директор Института российской истории?! Это уже не наука, а пропаганда» (*«Известия»*, 28.07.2004).

И таким образом искажает первоисточник, то есть совершает надругательство над исторической наукой, не какой-нибудь воспаленный дилетант, а академик, на тот момент директор Института российской истории.

Норманская теория, теория норманнского, западного происхождения русской государственности и Русского государства, возникла в XVIII веке не где-нибудь на стороне, на Западе, а в России, в Санкт-Петербурге, в научном, интеллектуальном центре страны – в Академии наук.

И основатели академии, академики Готлиб Байер и Герард Миллер, возвели теорию не на голом месте, а исключительно на фундаменте русских летописей.

Создателями и первыми членами Петербургской акаде-

мии наук были исключительно иностранцы. В том числе и европейски знаменитые ученые Леонард Эйлер, братья Иоганн и Даниил Бернулли... Первый русский академик – Ломоносов – появился только в 1745 году, через двадцать лет.

Я не из числа тех, кто любит возмущаться «засильем иностранщины». А по отношению к тем временам, считаю, это подло и неблагодарно. Ибо иностранцы создавали русскую науку. Другое дело, что были среди них и такие, что свысока или высокомерно снисходительно относились к «русским аборигенам». Равно как и среди русских были те, кто ничего не мог предъявить науке, кроме своего местного уродения, и недостаток таланта оправдывали «немецким засильем».

Старый и вечно новый, как мир, сюжет.

Но очевидно, что уже к середине XVIII века в академии возникла *атмосфера* смутно обозначенного противостояния. И когда Готлиб Байер написал работу о варягах, а затем, почти через двадцать лет, Герард Миллер сделал попытку выступить на торжественном собрании Академии наук с речью «О происхождении народа и имени Российского», вспыхнули далеко и не только научные страсти. Вспомним еще раз слова Ключевского: *«Причиной запальчивости этих возражений было общее настроение той минуты... Речь Миллера явилась не вовремя; то был самый разгар национального возбуждения».*

В борьбе с норманской теорией впопыхах, в порыве ущем-

ленного самолюбия, «в разгаре национального возбуждения» **изначально неправильно был сформулирован вопрос.** Говорили не о **призвании**, а вообще о варягах!

Одни утверждали, что варяги – это славяне. Обратимся к языку – самому надежному свидетелю. Если Рюрик был южнобалтийским славянином, как говорится в интервью Сахарова, то и его имя – славянское. Как же может быть иначе? Однако Рюрик – это совсем не Ростислав, к примеру... Аскольд и Дир – тоже. Хорошо, три имени ничего не доказывают и не опровергают. Но летописец Нестор приводит ряд имен в неоспоримом контексте – послы киевского князя Олега подписывали с византийскими императорами Александром, Львом и Константином договор, который начинался так: *«Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя...»* (Повесть временных лет).

Мы – от рода русского... То есть это все имена русские (варяжские). Но не славянские.

Другие выдвигали теории, что это – литовцы, а третьи – что варягов вообще не было. Но куда ж от них денешься, если вот они, имена.

И потому четвертые говорили, что да, варяги были, но в очень небольшом количестве и в русской истории никакой роли не сыграли.

От кривой палки не бывает прямой тени. Неправильный

вопрос неизбежно порождает двусмысленный ответ. Разгорается борьба. В ходе которой окончательно теряется существо дела.

Но так или иначе, а именно идеологи от истории и историк-и от идеологии навязали нации два исторических комплекса: норманнский комплекс и комплекс «татаро-монгольского» ига. Для них это – «борьба», занимающая их жизнь и да-ющая им пропитание.

А людям неискушенным с этим приходится жить.

Изначально же национальное унижение состояло не в ва-рягах – такие варяги есть в истории каждого народа, – а в их **«призвании»**, в формулировке: *«Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и вла-деть нами»*.

Надеюсь, мне удалось доказать, что такого не было и не могло быть. А легенду о **призвании** придумали, вставили в летопись по велению тогдашних князей Рюриковичей или же вполне добровольно, в угоду им. По-современному гово-ря – для легитимизации их власти. Рюриковичей. Причем «легитимность» – не столько «законность», как утвердилось нынче в массовом сознании и журналистско-политическом обиходе, а «общепризнанность».

Только и всего.

Так что у нас не было и нет никаких поводов для нацио-нального комплекса неполноценности.

Правда часто неприятна

Почти уверен, что особой радости и даже удовлетворения мое опровержение призвания варягов не вызовет. Причем не у отдельных специалистов, а у населения. Ведь в массе своей люди часто не хотят знать правду. Тут много причин. И личных («Выходит, я, веривший во все это, теперь дурак дураком?»), но прежде всего – общественных.

У нас всегда говорят о вечном противостоянии государства и интеллигенции, а шире – государства и народа. Откуда пошло – не знаю. Но никто не сомневается, вроде как фундамент и краеугольный камень.

А на самом деле наш народ почти всегда был и есть на стороне государства. Даже так: народ и государство – едины. И все официальные мифы государства удивительным образом совпадают с желаниями и потворствуют настроениям масс. Или – с веками преобразовываются так, что потворствуют. Тот же миф о призвании варягов. Какое неприятие вызвал он среди русских академиков в 1749 году! А сейчас поди опровергни. Заключают!

Причем академики, может, и промолчат. А вот широкие массы возмутятся. Потому что миф с веками приобрел новое наполнение. Мол, мы не лыком шиты и не лаптем щи хлебаем, мы тоже – Европа (!), ведь нас основали «благородные князья германского происхождения» – так и написал

мне один разгневанный читатель.

Ну, варяги все-таки область немассового знания. А вот с «татаро-монгольским» игом просто беда. Все всё знают. И все во всём уверены. Вросло в кожу, начнешь отдирать – кровь идет. Больно и обидно. Так, что тебе морду разобьют за твои слова о том, что ига не было. Со школы привито. Всё упрятано в подсознание или вообще стерто, или искажено так, что тяжело становится. Получается: признавать, что русский народ триста (!) лет жил под монгольским сапогом, терпел иго – это вроде как совсем не позорно и даже патриотично. А попробуй отрицать – тут же обзовут антипатриотом. Суть – все в том же преобразовании мифа, в служении его новой лжи. Если мы – Европа, то у нас ничего общего не могло быть с азиатами – монголо-татарами, никакой общей жизни в общем государстве, это все злопыхательство, а было только вечное противостояние и вечная война. В которой мы в конце концов победили. Отрицать иго – значит отрицать еще и великую победу над могучим врагом.

Вот как закручено.

Причем начали утверждать в сознании народа миф об иге великие русские историки прошлого, пред именами которых нельзя не склониться в почтении. Их поддержали и продолжили коммунисты, и продолжают нынешние... А народ в результате массовой обработки со школьной скамьи, однажды приняв и освоив, сросся с мифами, как со своими кровными.

О мифологизации сознания, вообще о мифе как нацио-

нальной идее, очень сильно и очень точно написал современный ученый-богослов Александр Мусин: *«История – всегда проблема. Миф – прост и понятен. Тем и привлекателен для народа и власти. Но всеобщая усредненность и ожидаемая «легкость бытия» могут стать невыносимыми для России».*

Иными словами, нельзя все время самим себе вешать лапшу на уши. Это может плохо аукнуться в будущем.

Загадочное слово – «русский»

«И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы...»

Вроде бы все ясно. Русы, русичи, русские ведут свое название от варягов, от какого-то варяжского сообщества людей, называемого «Русь».

Но тут мы столкнулись с такой частью истории, где до истока дойти очень сложно. Дело в том, что народ редко именуют так, как он сам себя назвал – по самоназванию. К примеру, чеченцы – нохчи или вайнахи, немцы – алеманны, албанцы – скептарии (шкиптாரии), венгры – мадьяры и т. д. Как правило, название народу чаще всего дают соседние племена. И пути здесь неисповедимы. (Например, германцев-алеманнов мы назвали «немцами», то есть немцами, не говорящими на понятном нам языке.)

Яркий пример – венгры.

В Казахстане в 60-х годах среди обычных среднеграмотных слоев населения популярна была легенда о родственных казахско-венгерских связях. Находились деятели в той и в другой стране, которые успешно спекулировали на «родственной» теме.

На самом деле родства нет. Было очень близкое соседство.

Откуда и некоторое количество слов, общих по звучанию и значению.

В действительности венгры – народ угро-финского происхождения. Но с фантастически причудливой судьбой. В древние времена венгры – по самоназванию мадьяры – обитали в среднем течении Оби, в районе нынешних Тобольска и Тюмени. Они составляли южную часть родственного сообщества западносибирских угро-финских народов. На севере – ханты и манси, а на юге – мадьяры.

В первые века нашей эры началось Великое переселение народов. Начали его гунны, ввергнувшие в общий водоворот многие племена и народности, перекроившие карту Древнего мира. Северным крылом гунны подхватили, сорвали с насиженных территорий мадьяров. И те в течение несколько веков кочевали в конгломерате гуннских племен, в основном тюркских по языку. Отсюда – заимствованные тюркские слова в их лексиконе.

Столицей Гуннской империи, ставкой вождя гуннов Аттилы, была Паннонская низменность. Соседние германские племена Аттилу обожествляли. Чему свидетельство – древнегерманский эпос «Песнь о Нибелунгах», в котором вожди германских племен приезжают на поклон к королю Этцелю. Этцель – германское произношение имени Аттилы.

В середине V века Гуннская империя распалась. Мадьяры, сохранившись как единое племя, остались жить в Паннонии. И их, мадьяров, угро-финнов по происхождению, по

языку, соседние германские племена называли гуннами, хуннами, хунграми. Так и страна называется доныне – Хунгария. По-нашему – Венгрия, венгры. Хотя к гуннам-хунну они имеют отношение соседское.

Сохранилось главное – язык.

И доныне одно из самых популярных имен в Венгрии – Аттила.

Вот какими фантастическими путями возникают иногда названия народов. Еще пример – «татары» и «таджики». «Татарами» называли себя несколько союзных родов в монгольской степи. Китайцы распространили это название на всех кочевников. Однако по велению Чингисхана с 1206 года все его подданные стали «монголами». Но этноним «татары» дошел до Европы и сохранился: еще в XVI веке европейцы Русь называли Татарией. А русские стали именовать «татарами» подданных Астраханского, Крымского и Сибирского ханств, оставшихся после распада Золотой Орды. А также – жителей Казанского ханства. Тюркоязычные степняки-болгары, ушедшие на Дунай, сменили язык на славянский, но остались «болгарами». А болгары, ушедшие на Каму и Волгу, сохранили язык, но известны ныне как «татары».

В Центральной Азии в VII веке «таджиками» называли пришедших сюда арабских воинов. Но современные-то таджики – персы. Какие водовороты истории тут бурлили – даже представить трудно!

Происхождение этнонима «русский» затеряно в тумане

веков. Точных ответов нет, есть лишь версии, более или менее непротиворечивые. Ведь в Скандинавии не было и нет, не выявлено никаких следов рода (племени, народа) «Русь». Значит, открывается широкий простор для фантазий и гипотез. Чего только не придумывали, где только не искали корни слова! От кельтов-рутенгов и иранцев-роксоланов до сирийцев.

Мне из сонма предположений наиболее вероятной представляется версия В.Я. Петрухина. Вспомним – часть населения Новгорода составляли чудь, вепсы и меря, угро-финские племена. А они издавна называли выходцев из скандинавской стороны «рууси» или «рооси». Древнескандинавские корни этого слова означают: «гребец, участник похода на гребных судах».

Тут многое совпадает и по словам, и по логике жизни. «Варяги-викинги» – не этнос, а социальная группа. «Русы» – «участники похода на гребных судах». Они потом стали княжескими дружинниками. А своих, доморощенных речных разбойников в Новгороде именовали ушкуйниками. От слова «ушкуй» – большая лодка.

Двойное название – и варяги, и русы – характерно для сообществ со смешанными языками, каким и было население Новгорода. Славянское и угро-финское. Но затем слово «русы» вместе с княжескими дружинниками ушло из Новгорода в Киев, ставший центром государства.

Славянское население городов и весей – ремесленное,

земледельческое. Смерды не имели права на оружие, не имели права уходить с земли. И только боевые отряды варягов-русов шарахались от Киева до Византии. А поскольку они как бы представляли в окрестных народах и государствах славян, то окрестные народы-государства стали называть «русами» население Киева, Чернигова, Переяславля.

Одновременно в самом Киеве, Чернигове, Переяславле «русами» стали называть княжеских дружинников, а затем и всех жителей. Еще долгие века в Суздале, Ростове Великом и других городах «поехать на Русь» означало поехать в Киев. И только через сотни лет, постепенно, этноним стал всеобщим.

Но при всем при том напомним, что любая версия остается и, скорее всего, останется версией, более или менее обоснованной. Разгадка слова «русский», видимо, так и пребудет тайной истории.

Глава 2

Белый миф и черный миф

Белый миф – о князе Олеге

В 1114 году ушел из жизни монах Киево-Печерского монастыря Нестор – он считается автором Повести временных лет, основы большинства последующих летописных сводов. Ее называют Начальной летописью.

Все мы помним одно из самых красочных мест Повести – поход князя Олега, Вещего Олега, на Царьград-Константинополь. Когда он в знак победы повесил свой щит на врата Царьграда. А перед этим:

«Повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда подул попутный ветер, подняли они в поле паруса и пошли к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь».

Как ни странно, многие ученые прошлого, да и настоящего, приняли эти строки летописи как абсолютно достоверные сведения. Они вошли в гимназические дореволюционные и в советские школьные учебники. Вошли в новый фольклор, вплоть до песни Высоцкого: «Как ныне собирается Вещий

Олег щита прибивать на ворота. Как вдруг подбегает к ему человек – и ну шепелявить чаво-то». В общем, всем известно и само собой разумеется. Хотя при самом элементарном применении здравого смысла тотчас же возникают неразрешимые противоречия и тупиковые вопросы.

Однако к здравому смыслу мы еще придем, а пока продолжим об ученых. Очень серьезные историки (от Шахматова до Лихачева) относились к данному эпизоду как к красочной легенде. Дмитрий Сергеевич Лихачев вообще делал особый упор на литературные достоинства и литературное значение Повести временных лет. Анализ, проведенный исследователями, доказал, что такого похода Олега в 907 году – как указывается в летописи – не было. И вообще – не было. В 904 году на Константинополь ходили походом арабы. В том же году совершали набег на Царьград вольные воины из диких ватаг, обитавших в устье Днепра и на побережье Черного моря. Еще раньше, за сорок лет до того, был поход варяжско-киевского князя Аскольда. Некоторые историки полагают, что Нестор приписал Олегу тот поход Аскольда. Но если учесть, что летопись он создавал спустя два века, то путаница могла возникнуть и сама по себе. Объяснимы также многочисленные нестыковки по событиям и датам.

О том летописном походе нет никаких сведений в подробнейших византийских хрониках. Хотя там в деталях описаны и поход арабов, и набег славяно-варяжской вольницы. И другие, совсем уж незначительные события того времени.

А уж такого, как щит на воротах Константинополя и штурм на колесах под парусами, византийские хронисты просто не могли не отметить. Да и другие – арабские, еврейские, западноевропейские хронисты не могли пропустить. Однако ж нигде – ни слова.

Но в данном случае не это главное. Прежде чем перейти к сути, остановлюсь на подступах. Начну с количества воинов в том походе. В летописи точно указано: 2 тысячи кораблей, «а в каждом корабле по 40 мужей». Итого – 80 тысяч человек.

Собрать по тем временам такую армию в Киевской Руси практически было невозможно. По книге известного демографа Бориса Урланиса «Рост населения в Европе», в 970 году в Киевской Руси было около 2 миллионов жителей. Можно предполагать, что в 907 году – более миллиона. Тут ведь речь идет не только и не столько о росте за счет рождаемости, а о присоединении новых земель и новых племен. К тому времени, к летописному 907 году, самой русской государственности было едва пятьдесят лет. Те же древляне в Искоростени, что совсем рядом с Киевом, бунтовали, убили князя Игоря и были жестоко покараны уже княгиней Ольгой. Возможно ли было в таких условиях собрать армию в 80 тысяч?

Проведем параллели. Население могущественной Византии в то время насчитывало 20–24 миллиона. Мощное государство с устоявшимся четырехсотлетним укладом жизни. Одним из главных врагов Византии была тогда могуществен-

ная Болгария. Так, в решающий, грандиозный поход на болгар византийский император-полководец Иоанн Цимисхий повел армию в 300 кораблей, 15 тысяч пехотинцев и 13 тысяч всадников. Война описана со всеми подробностями как событие грандиозное.

Или еще пример – из более поздних веков. Походы Чингисхана и Батыя, ставшие потрясением для тогдашнего мира.

В первом походе, когда воины Чингисхана прошли через всю территорию нынешнего Казахстана и Узбекистана, разбили войска Хорезм-шаха, перевалили с боями через Кавказ, попутно разгромив грузин, затем рассеяли половцев хана Котяна и хана Юрия Кончаковича и закончили битвой на Калке с русско-половецкой армией, было их 30 тысяч человек. Три тумена, три дивизии по 10 тысяч всадников.

Всех монголов, от стариков до детей и женщин, тогда было 700 тысяч. К тому же монголы воевали в то время и с Китаем.

Второй поход, под началом Батыя, когда его тумены маршем прошли через Русь, вошли в Европу и докатились до Адриатики, в дореволюционной русской историографии приобрел масштабы мифические, писали об армии от 300 до 500 тысяч.

Советские историки Б.Д. Греков и Ф.Ф. Шахмагонов выдвинули свои резоны:

«Не принималось во внимание ни время года, ни география местности, ни возможности передвижения крупных

войсковых масс по зимним путям... Ссылались обычно и на то, что монгольская лошадь могла добывать корм из-под снега, но при этом упускали из виду разницу в снеговом покрове степей на далеком юге и в регионе Рязани – Владимира – Твери и Новгорода... Расчетами очень легко показать, что в походе по зимним дорогам войско в 300 тысяч воинов должно было растянуться на сотни километров... У каждого воина было самое меньшее три заводные лошади. Миллион лошадей в зимних условиях (поход на Северо-Восточную Русь длился с декабря 1237 по апрель 1238 года. – С.Б.) на землях Северо-Восточной Руси прокормить было невозможно, и полмиллиона – невозможно, нечем прокормить и триста тысяч лошадей».

Итак, и Греков с Шахмагоновым, и Гумилев, и другие историки определяли численность армии Батыя в 30–40 тысяч.

Однако учтем также, что ко времени Батыева похода это была уже Монгольская империя и в ее состав вошли многие народы, прежде всего – степняки-половцы от Алтая до Дона, они и стали главной ударной силой Батыевых конных дивизий.

Тут надо сделать отступление. Мир потрясли молниеносные победы монголов: такая организация, такая тактика боя, что в те века и долго еще потом с ними не могла сравниться ни одна армия. Однако и количество воинов поразило воображение современников. Учтем, что 30 тысяч (или больше) – это только воины. А еще – сопровождающие армию обозы.

И потому русская армада в 2 тысячи кораблей и 80 тысяч воинов в X веке никак не могла остаться незамеченной арабскими, византийскими и западноевропейскими хронистами. Это ведь по масштабам вселенский поход.

Но меня в данном случае больше всего интересует не фактографически-историческая сторона, а те самые «корабли на колесах». Вот высадились на берег воины Олега. На каждую ладью надо как минимум четыре оси и восемь колес. Где они взяли шестнадцать тысяч колес? А к ним еще восемь тысяч осей?

Предположим, нашли, конфисковали у окрестного населения.

Итак, поставили ладьи на колеса, залезли в них, подняли паруса и пошли к городу через поле?

Но – на «поле», на неровном грунте, на пересеченной местности такое сооружение, такая махина и с места не сдвинется. Под любыми парусами. Под большим парусом, под большим напором ветра сооружение просто-напросто опрокинется. Понимал ли это летописец, человек своего времени?

Уверен, что понимал. Тогда почему написал нечто несусветное?

Вариантов множество. От чрезмерного желания возвеличить, прославить князя Олега до осознанной, рассчитанной мины-провокации. Этакого тайного кукиша через века. Мол, заставили меня писать неправду, приписывать Олегу несусветное?

ществовавший поход, то вот вам! Потомки, дойдя до кораблей на колесах, сразу поймут, что все здесь брехня. От начала и до конца... Вот уж они посмеются... Однако по всей Повести временных лет чувствуется, что Нестор к Олегу относился с глубочайшим уважением.

И потому не исключен самый простой и естественный вариант. Полет фантазии! Нестор-летописец создал миф!

Может, разгадка еще и в великом киевском князе Владимире Мономахе? Человек яркого литературного таланта, он, как никто другой, способен был оценить полет чужого пера и чужой фантазии. Оценить, восхититься и сказать: «Ай да Нестор! Ай да сукин сын! Это ж надо такое придумать – ладья под парусами на колесах!»

А потом, после Мономаха, уже никто не трогал, не осмеливался.

А потом мы читали, даже не задумываясь.

Черный миф – злодей Ричард, король английский

Жертва черного мифа – герцог Ричард Глостер, потомок королевской династии Плантагенетов. Его и называли в честь великого предка, короля Ричарда I Плантагенета. Того самого Ричарда Львиное Сердце, предводителя крестовых походов, героя народных баллад и исторических романов.

Дику Глостеру было три года, когда началась Война Алой и Белой розы. За власть в Англии сражались сторонники Ланкастеров (Алая роза) и Йорков (Белая роза), к коей и принадлежал герцогский дом Глостеров. (Йорки и Ланкастеры – боковые ветви Плантагенетов.)

Йорки победили. Ланкастеры бежали во Францию. Королем Англии стал старший брат Ричарда – Эдуард IV. А после смерти Эдуарда трон должен был занять (и занял!) по праву престолонаследия его сын Эдуард, малолетний племянник Ричарда.

Но через три месяца правления Эдуарда V королем Англии стал Ричард. Однако и он правил недолго. Изгнанные Ланкастеры объединились с Тюдорами и свергли Ричарда. Так возникла новая династия – Тюдоров.

Всего два года царствовал Ричард. Но в истории остался навечно. Как один из самых страшных злодеев. **Узурпатор, обманом захватил трон, родных племянников за-**

душил.

Мы с детства знаем его по «Черной стреле» Стивенсона. Есть там такие строчки: «За знаменем, окруженный закованными в сталь рыцарями, ехал честолюбивый, смелый, жестокосердый горбун навстречу своему короткому царствованию и вечному позору».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.